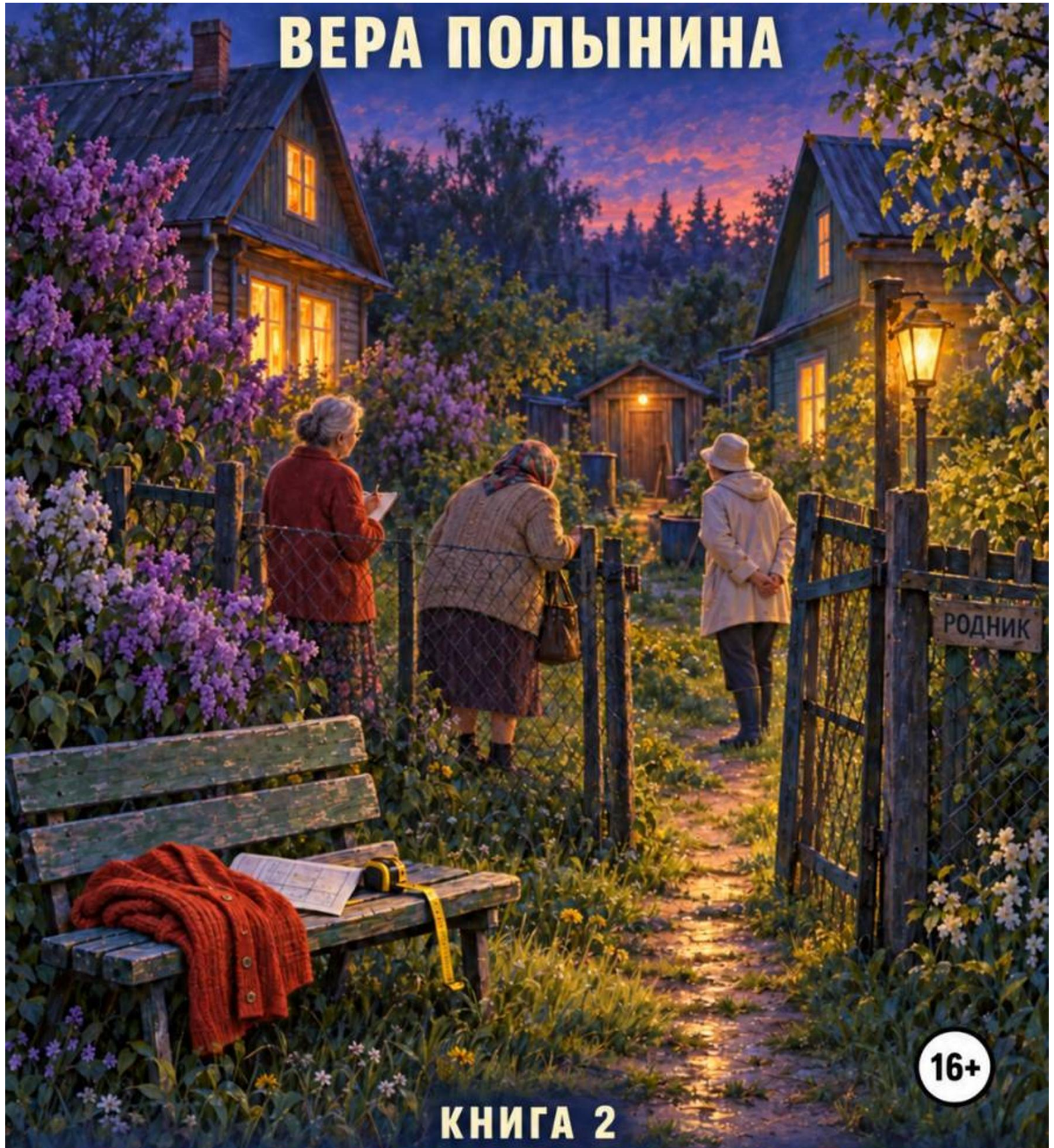

ВЕРА ПОЛЫНИНА

16+

КНИГА 2

БАБУШКИ ПРОТИВ!

ЧУЖИЕ СОТКИ

Вера Польшина

Бабушки против: Чужие сотки!

«Автор»

2026

Полынина В.

Бабушки против: Чужие сотки! / В. Полынина — «Автор», 2026

Из-за пятнадцати сантиметров земли Нина, Роза и Лида едут в садоводство «Родник» — помочь соседу разобраться, где должен стоять забор. Но замеры не сходятся, старый проход исчезает с новой схемы, а обычный дачный спор неожиданно оборачивается уголовным делом. Пока соседи вспоминают, «как тут всегда было», выясняется, что участками у воды уже интересуются покупатели. И теперь подругам придётся разбираться не только в заборах и документах, но и в людях, которым есть что недоговаривать. «Чужие сотки» — вторая книга цикла «Бабушки против!»: уютный детектив о дачах, соседях, старых бумагах и трёх женщинах, которые умеют задавать правильные вопросы.

© Полынина В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пятнадцать сантиметров	5
Глава 2. Зелёная калитка	12
Глава 3. До приезда	18
Глава 4. Кто что видел	23
Глава 5. Хозяин и покупатель	28
Глава 6. Машина у окна	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Вера Плынина

Бабушки против: Чужие сотки!

Глава 1. Пятнадцать сантиметров

— Только не кладите на мокрое, — сказала Нина.

Крутиков уже положил. Он вообще принадлежал к тем посетителям, которых следовало предупреждать ещё на лестнице: в квартире любое предостережение заставляло его за законченным действием. Теперь он поднял лист, провёл ладонью по обороту и посмотрел на пальцы. На столе осталось синее пятно, по очертаниям напоминавшее небольшой земельный надел. Судя по выражению Крутикова, именно такого ему и не доставало.

— Это у вас чернила поплыли, — сказала Нина. — Стол я вытирала чистой тряпкой.

— Да пусть плывут. Может, хоть так всё обратно встанет.

Она принесла полотенце. Крутиков промокнул угол, старательно обходя печать, и развернул второй лист. На обоих были прямоугольники с номерами, тонкие линии и мелкие цифры. Нина надела очки.

Очки были для чтения; для общения с Крутиковым следовало бы завести другие, с затемнёнными стёклами, за которыми можно было ненадолго закрывать глаза. В последние месяцы он повадился приносить ей бумаги. Сначала просил проверить, достаточно ли в жалобе оснований, потом — достаточно ли строго она написана, а однажды поинтересовался, не вставить ли туда цитату из Пушкина. Нина тогда объяснила, что Пушкин не обязан отвечать за работу управляющей компании. Крутиков согласился, но цитату вычеркнул с сожалением.

Утро субботы она собиралась потратить на окна. Одно уже вымыла, со второго сняла занавеску. Теперь занавеска лежала в тазу посреди кухни, а Крутиков водил толстым пальцем по бумаге и всякий раз, когда говорил «вот», закрывал то самое место, на которое требовалось смотреть.

— Уберите руку, пожалуйста.

Он убрал.

— И начните сначала. Чей это план?

— Наш.

— Кто его сделал?

— В правлении дали.

— Я спрашиваю, кто нарисовал.

Крутиков нагнулся, прочитал фамилию внизу.

— Лунёв. Сергей Ильич. Он сегодня будет. Мы с Толей его наняли.

— Это с которым вы осенью ругались?

— С ним.

— Теперь вместе наняли?

— А что делать? У меня свой забор, у него свой характер. Без третьего человека не договоримся.

Нина прочитала надпись над чертежом: «Рабочая схема. Второй ряд». В углу стояла дата — февраль. На другом листе дата была прошлогодняя. Она положила их рядом.

— Валерий, я учила детей литературе. По земле я вам ничего не скажу.

— Мне по земле не надо. Мне надо, чтобы вы послушали.

Он произнёс это тише и сел, хотя до сих пор стоял, нависая над столом.

— Я там открываю рот — Толя орёт. Толя открывает — я. Ольга нас обоих уже послала. Говорит, продам дачу и буду на балконе петрушку растить. А я эту дачу с отцом строил.

Нина посмотрела на него поверх очков. В доме все знали, как Крутиков требует слова. Просить, чтобы его послушали, ему шло хуже.

— Что именно вы предлагаете?

— Поехать. Час туда, час обратно. Садоводство наше за мостом, «Родник». Послушаете, что этот Лунёв скажет. Можно даже записать. Только вы вопросы задавайте. Я за себя не ручаюсь.

На часах было без десяти девять.

— Он к которому часу приедет?

— К одиннадцати.

— А ко мне вы почему заранее не зашли?

Крутиков пожевал губу.

— Думал, сами обойдёмся.

В дверь позвонили. Нина пошла открывать, перешагнула через таз и едва не задела его ногой. Воды там было на половину кухни. Роза держала под мышкой картонную коробку. Из коробки торчали тонкие стебли помидоров; земля просыпалась ей на рукав.

— Возьми снизу. Дно мокрое.

— Мне это куда?

— Пока на подоконник. Покупательница принесла, у неё лишняя рассада. На дачу отвезём, когда соберёмся.

— Сегодня, — сказал из кухни Крутиков.

Роза сняла обувь, заглянула в кухню, оценила бумаги.

— Опять пятнадцать сантиметров?

— Уже сорок.

— Быстро у тебя земля растёт.

— Убывает, Роза Тимуровна. Убывает.

Она осторожно поставила коробку на пол и достала телефон.

— Лида, ты сегодня работаешь?.. Тогда собирайся, на дачу едем. Нет, не на мою. Нет, ничего не случилось.

Нина протянула руку за телефоном.

— Лидочка, это Нина. Крутиков просит помочь с разговором о заборе. Ты совершенно не обязана...

— Я хочу, — ответила Лида. — Только мне к семи домой. Мама тётю Зину ждёт после обеда, а к вечеру та уйдёт.

— К семи будем, — пообещал Крутиков так громко, что Лида услышала сама.

Нина отдала телефон Розе и пошла вытаскивать занавеску из воды. Пока она отжимала ткань, Крутиков аккуратно собрал листы и спрятал их в прозрачную папку. Синее пятно на столе осталось. Нина попробовала потереть его полотенцем, потом махнула рукой.

Кухня осталась в состоянии прерванной генеральной уборки: на стуле стоял стул, подоконник занимали вымытые банки, а на сушилке висела единственная занавеска, тяжёлая и обиженно слипшаяся. Если смотреть со двора, получалось, что в одной половине квартиры живёт аккуратная женщина, а во второй идёт переезд. Нина ещё раз оглянулась с порога. За тридцать четыре года в школе она научилась не рассчитывать на спокойную субботу, но после выхода на пенсию почему-то всё ещё пробовала.

* * *

За мостом дорогу чинили. Крутиков остановился перед временным светофором и сразу принялся объяснять, как следовало организовать проезд.

Роза сидела сзади, удерживая коробку коленями. Лида пристегнулась рядом. Свою небольшую сумку она положила на пол, под ноги; Нина успела заметить в боковом кармане тонометр.

— Лида, ты и сюда с ним?

— Мама попросила не оставлять. Тётя Зина как увидит, сразу начинает у всех давление проверять.

— И какое находит?

— Каждый раз высокое. Она манжету поверх кофты надевает.

Роза подвинула коробку, чтобы освободить ей место.

— Ноги поставь нормально. Эти всё равно половину дороги не переживут.

— Ты их хоть поливала?

— Я их поливала. Их теперь нести страшно.

Светофор переключился. Крутиков тронулся, и все четыре головы качнулись назад. Через двести метров пришлось остановиться снова. Рабочий в оранжевом жилете вышел на дорогу с лопатой и показал ладонью вниз. Крутиков затормозил, не переставая объяснять, что ладонь следовало показать раньше. Рабочий его не слышал: между ними было закрытое стекло и ещё два автомобиля. Это не уменьшало пользы замечания для Крутикова.

Роза посмотрела на рассаду. В коробке ехали помидоры разного роста, и высокий куст постепенно укладывался на плечо низкому. Она разделила их пальцами, подложила между стаканчиками свёрнутую газету. Лида придержала коробку снизу. Земля пахла сыростью и подоконником; на газете осталось пятно, закрывшее половину праздничной программы.

— Ты куда столько везёшь? — спросила Лида.

— Ольга просила шесть. Здесь двенадцать. Два не считаются.

— Почему?

— Сами посмотри.

Два хилых растения стояли у стенки, почти без листьев. Лида повернула один стаканчик к свету. Роза тут же велела не вынимать: донести бы так. В её хозяйстве слабым помидорам полагалось больше заботы, но меньше уважения, и сочетать эти меры она умела без затруднений.

Нина опустила стекло на ладонь. Снаружи пахло горячим асфальтом, хотя день ещё не успел прогреться. По обочине шла женщина с двумя сумками на колёсиках. Одну тянула за собой, другую толкала впереди; на неровностях обе начинали жить самостоятельно. Женщина останавливалась, возвращала их в строй и продолжала путь. Крутиков посмотрел на неё и сказал, что раньше до дач ходил прямой автобус, а теперь приходится пересаживаться.

— Почему убрали? — спросила Нина.

— Говорят, мало пассажиров.

— А вы ездили?

— У меня машина.

Роза склонилась над коробкой, скрывая улыбку. Крутиков заметил и уточнил, что думает не только о себе. Нина не стала спорить: он действительно помогал соседям с поездками, хотя потом помнил каждый перевезённый мешок и мог восстановить историю чужого ремонта по рейсам своего багажника.

Рабочий махнул ехать. Машины потянулись одна за другой, но на повороте впереди заглохла старая легковушка. Из неё вышел пожилой мужчина в чистой кепке, поднял капот и сразу оказался скрыт за ним по пояс. Пассажирка на переднем сиденье продолжала смотреть прямо, с достоинством человека, который предупреждал ещё в гараже.

Крутиков вздохнул, поставил свою машину у обочины и вышел. Нина приготовилась услышать, как нужно было обслуживать двигатель. Вместо этого он молча обошёл легковушку, спросил, есть ли трос, и полез в багажник за своим. Роза посмотрела на Лиду. Та приподняла брови: Валерий мог быть полезным без предварительного выступления, хотя случалось это нечасто.

Трос оказался под пакетом с картошкой, двумя пластиковыми бутылками и складной табуреткой. Крутиков выложил всё на траву. Пассажирка вышла помочь, но он попросил её сесть обратно за руль, пока муж толкает. Она посмотрела на супруга. Тот кивнул. За минуту машина освободила проезд, и большая часть ожидающих водителей уехала, не интересуясь дальнейшей судьбой благодетелей.

Тянуть легковушку далеко не понадобилось: хозяин попробовал ещё раз, двигатель запустился. Крутиков постоял, прислушиваясь, сказал, что до поворота можно потихоньку, и стал собирать вещи. Пассажирка вынула из сумки пакет с пирожками. Валерий отказался. Она положила пакет на его картошку и закрыла багажник раньше, чем он успел вернуть.

В машину он сел довольный, но без прежней злости на дорогу. Роза взяла предложенный пирожок, разломил и дала половину Лиде. Нина сказала, что не будет, потом спросила, с чем. Оказалось, с яйцом. Крутиков развернул ещё один.

— Я же сказала, не буду.

— Это мне.

Нина посмотрела на него и рассмеялась. Он ел, держа пирожок над пакетом, пока машина стояла. Крошки всё равно попадали на брюки. Лида протянула ему салфетку. Он взял, вытер пальцы и только после этого включил передачу.

Дальше некоторое время ехали молча. По обеим сторонам дороги тянулись кусты, в низине стояла вода, на сухом бугре кто-то вывесил объявление о продаже дров. Нина подумала, что из дома они выбрались всё-таки удачно. Окно можно домыть завтра. День обещал быть хлопотным, но вполне понятным: чужой забор, чай на веранде, немного работы в земле. Даже Крутиков успел потратить часть темперамента на полезное дело.

У въезда в «Родник» стоял мужчина в выцветшей куртке и разговаривал с водителем белого фургона. На створке ворот висела доска объявлений. Между предложением привезти навоз и списком должников прикрепили лист в файле: «ОБНОВЛЕНИЕ ГРАНИЦ. ВОПРОСЫ ПРИНИМАЮТСЯ ДО ПЯТНИЦЫ». Мужчина махнул Крутикову, не заканчивая разговора. Тот опустил стекло.

— Паша, Лунёв приехал?

— У правления. У тебя гости?

— Свидетели.

— Чего?

— Посмотрим.

— Валера, давай хоть сегодня спокойно.

— Я спокойно.

Он поднял стекло раньше, чем мужчина успел ответить.

— Председатель, — пояснил Крутиков. — Серов Павел Геннадьевич. Второй срок. Дорогу отсыпал, воду наладил, тут ничего не скажу. Но с землёй началась чехарда.

— Он вам этот план дал? — спросила Нина.

— Через секретаря. Говорит, старые ошибки исправляют.

— А ошибку нашли у тебя, — сказала Роза.

— И у Толи. И ещё у шестерых. Вон у Зои Фёдоровны калитка теперь на соседнем участке. По бумаге. Сама-то калитка сорок лет где была, там и есть.

Дачи стояли тесно, вдоль двух колеи. Некоторые хозяева уже натянули над грядками белый материал. У одного забора сохли вымытые коврики из машины, у другого сидел кот на мешке с цементом. На повороте пришлось ждать женщину с тачкой: она заняла дорогу целиком и на сигнал Крутикова ответила взмахом руки, означавшим, что дорогу она тоже видит.

Весна в «Роднике» уже дошла до той стадии, когда каждый хозяин считал своим долгом вынести на улицу всё, что удалось сохранить за зиму. Возле домов проветривались матрасы, разнокалиберные стулья и чьи-то шерстяные кальсоны, прикреплённые к верёвке с хозяйствен-

ной тщательностью. За новым двухметровым забором работала пила; за старым, сквозным, три человека смотрели, как четвёртый держит лестницу. Работа шла везде, хотя со стороны не всегда удавалось установить, какая именно.

У калитки сорок седьмого участка их встретила Ольга Крутикова. В руках у неё была лопатка, щеку пересекала полоса земли.

— Привёз? — спросила она мужа. — Здравствуйте. Вы уж простите его, я говорила: людей не трогай.

— Люди сами согласились.

— Люди из вежливости и не такое делают. Роза Тимуровна, это что у вас?

— Помидоры. Не знаешь сорт — не спрашивай, я тоже не знаю.

Ольга взяла коробку.

— Спасибо. У меня как раз четыре не взошли.

— Здесь двенадцать.

— Значит, ещё восемь не взойдут.

Соседний участок отделяла невысокая сетка. За ней, опираясь на черенок лопаты, стоял человек в кепке и наблюдал, как Крутиков вынимает папку из машины.

— Комиссию собрал? — спросил он.

— Анатолий Егорович, я к тебе без комиссии уже ходил.

— С жердью ходил. Хорошо помню.

— Надо было чем-то мерить.

— Ты той жердью мне смородину поломал.

— Одну ветку.

— Она плодоносила.

Нина прошла к сетке.

— Доброе утро. Давайте мы сначала дождёмся человека, который умеет мерить.

Анатолий Егорович снял кепку, надел снова, уже ровнее.

— Я Гордеев, — сказал он. — Тридцать шесть лет за станком отстоял. Мерить умею.

Нина уже встречала таких мужчин на родительских собраниях. Они приходили раз в три года и первым делом сообщали, сколько лет отработали на производстве. Стаж должен был заранее объяснить учительнице, почему её требования к домашнему сочинению не выдерживают соприкосновения с действительностью. Гордеев, впрочем, производил более выгодное впечатление: лопата у него была вычищена, кепка залатана, а сердился он пока только на Крутикова. Нина решила не расширять круг его разочарований.

— Тогда сегодня вы ему поможете.

Крутиков за её спиной что-то буркнул. Нина не стала оборачиваться.

Лунёв пришёл пешком от правления, с длинным чехлом на плече. Серые брюки на коленях были потёрты, на груди висели очки на шнурке. В левой руке он нёс папку с отломанным уголком. Следом шёл Серов и говорил ему что-то вполголоса. На участке председатель поздоровался со всеми по очереди. Розу узнал.

— Вы молоком торгуете?

— Сегодня нет.

— Я у вас брал. Хорошее молоко.

Она кивнула. Лунёв положил чехол у забора и спросил, кто из двух соседей звонил ему во вторник. Оба ответили: «Я». Он помедлил, затем достал блокнот.

— Понятно. Начнём с документов. Только говорите по одному, иначе я сейчас запишу, что у вас два участка в одном месте.

Крутиков протянул свою папку. Нина показала на телефон.

— Можно я разговор запишу? Чтобы потом не спорить, кто что сказал.

— Мой — пожалуйста, — ответил Лунёв. — Официального заключения на слух всё равно не будет. Сегодня я смотрю, что у вас здесь. Дальше скажу, чего не хватает.

— А здесь вы уже были? — Нина указала на февральский лист.

Он взял его за верхние углы.

— В феврале — нет.

— А схема ваша?

— Моя. По материалам, которые мне предоставили.

— То есть вы не приезжали?

— Нина Аркадьевна, там снег по пояс был, — вмешался Серов. — Сейчас и уточним. Для чего собрались?

Нина включила запись. Лунёв обошёл забор, поставил прибор, попросил Гордеева придержать рейку. Крутиков пошёл следом, но тот не дал ему взяться за другой конец.

— Я сам.

— Ты к себе наклоняешь.

— Валерий, — сказала Нина.

Крутиков замолчал. Слышно стало, как Ольга пересаживает помидоры: глухо стучит совком по ящику, стряхивая землю. Серов отошёл к дороге ответить на звонок. Нина различила только «до пятницы» и «нет, Сергей сегодня здесь». Потом председатель прикрыл рот ладонью и повернулся спиной. У калитки остановилась полная женщина в старой мужской рубашке. В руках у неё была пустая миска.

— Ну что, поделили? — спросила она Ольгу.

— Пока делят.

— А ко мне пусть тоже заглянет. Я Павлу Геннадьевичу ещё на прошлой неделе говорила. Лида поднялась со скамейки, чтобы пропустить её. Женщина осталась снаружи.

— Зоя Фёдоровна, — представилась она. — Я за вами, на пятьдесят втором. Только вы не на меня думайте. Мне чужого не надо.

— Мы ещё ни на кого не думаем, — сказала Лида.

— Это хорошо.

Зоя Фёдоровна не уходила. Она водила пальцем по ободу миски и смотрела, как Лунёв разворачивает лист на крышке бочки. На её правой руке не хватало ногтя на большом пальце; кончик был аккуратно заклеен пластырем.

— Не промочите, — тихо сказала Лида, кивнув на руку.

— Да я знаю. Уже третий раз цепляю.

Серов вернулся, увидел Зою и спросил:

— Вы справку принесли?

— Дома она. Я зашла узнать.

— Потом зайдите ко мне, хорошо?

Зоя кивнула и пошла вдоль сетки, к задней части участка. Нина подумала, что там тупик, но за сараем скрипнула калитка. Вскоре из-за кустов донёсся голос Зои: она ругала собаку, которая опять вылезла на чужие грядки. Лунёв перевёл взгляд с плана на кусты. Снял очки, протёр краем рубашки, надел.

— Она куда прошла?

— Домой, — ответил Крутиков.

— Через ваш участок?

— Мимо. Там проход.

Лунёв ещё раз посмотрел на лист.

— Покажете?

Они пошли за сарай. Крутиков первым, Лунёв следом; Нина придержала ветку смородины, чтобы та не ударила Розу по лицу. Лида осталась помогать Ольге с рассадой.

Между задними заборами тянулась дорожка. По краям росла крапива, в колеях лежали доски. На одном конце виднелся домик правления, на другом — низкое кирпичное строение под железной крышей.

— Насосная, — сказал Крутиков. — И сарай рядом. Ключи от общего инструмента там же держим.

На сетке висела узкая зелёная калитка. Краска облупилась вокруг щеколды. Крутиков поддел её снизу пальцем, и она открылась.

— Это чья?

— Общая. Только заедает.

Лунёв вышел на дорожку, посмотрел в сторону правления, потом к насосной. Провёл подошвой по мху, закрывавшему край бетонного столбика.

— Рейку принесите, пожалуйста.

— Так мы не здесь спорим, — сказал Гордеев, подошедший сзади. — У нас с ним граница с другой стороны.

— Я понимаю.

Серов остался у сарая. Он вытащил телефон, посмотрел на экран и убрал обратно. Крутиков принёс рейку. Лунёв сделал два замера, присел возле столбика и записал что-то в блокнот.

— Сколько? — спросил Гордеев.

— Два метра восемьдесят.

— Так и было. Всегда три метра считали, но тут заборы гуляют.

Лунёв раскрыл февральский лист. Нина встала рядом, теперь уже узнавая номер Крутикова и соседние прямоугольники. На схеме они смыкались. Для дорожки места не оставалось.

— А на вашем плане? — спросила она.

Он не ответил сразу. Перевернул лист, проверил нижний угол.

— На моём плане её нет.

Серов подошёл ближе.

— Сергей Ильич, это рабочий материал. Не пугайте людей.

Лунёв убрал лист в папку.

— Валерий, позовите, пожалуйста, вашу жену. Она говорила, у неё есть фотографии с прошлого года.

— Есть. Мы картошку копали, она всех снимала.

— Если там видны задние заборы, мне нужно посмотреть.

Крутиков шагнул обратно в калитку, но задержался.

— А наши пятнадцать сантиметров?

— Подождут, — сказал Лунёв.

Глава 2. Зелёная калитка

Ольга нашла фотографии быстро. Сначала показала Нине мужа, стоявшего с лопатой над ведром картошки. Потом сына на перевёрнутом ящике: Егор смотрел в телефон, даже для снимка не подняв головы.

— Вот этот приблизьте, — попросил Лунёв.

Ольга развела пальцы по экрану.

— Ещё?

— Нет. Пришлите мне целиком, пожалуйста. И соседние, если есть.

На заднем плане, за плечом Егора, виднелись сарай, зелёная калитка и часть дорожки. Лунёв продиктовал номер. Ольга отправила снимки, дождалась, пока он проверит, и только тогда убрала телефон.

— Вы мне объясните, что у нас отнимают? — спросила она. — Я хоть понимать буду.

— Сейчас никто у вас ничего не отнял. Но схему нужно проверять. И исходные материалы к ней.

— А забор двигать?

— Пока ничего не двигайте.

— Слышал? — Ольга посмотрела на мужа. — Лопату убери.

Крутиков прислонил лопату к яблоне. Гордеев открыл было рот, но Ольга повернулась и к нему.

— И вы тоже. У меня голова болит с октября.

* * *

Обедали на веранде. Крутиков всё-таки пригласил Гордеева; тот принёс банку огурцов и сел на дальний конец скамьи, подальше от хозяина. Они не разговаривали друг с другом, зато оба исправляли Егора, когда тот пытался разжечь мангал.

— Он с двух сторон не загорится, — сказал Крутиков.

— Загорится, — возразил Гордеев. — Пусть воздух пустит.

Егор положил веер на край мангала.

— Вы можете сами? У меня физика в понедельник, я пойду.

— Дрова подожди, — сказал отец.

— Уголь это.

— Егор.

Мальчик поднял веер.

Лунёв от еды отказался, попросил только чай. Сидел у открытого края стола и разбирал папку. На одном листе были напечатаны номера участков, на другом — чьи-то карандашные пометки. Он положил между ними Ольгину фотографию, открытую на телефоне.

— Вам бутерброд сделать? — спросила Лида.

— Не надо, спасибо.

Она всё-таки подвинула к нему хлеб и нарезанный сыр, но больше не уговаривала.

Серов ушёл в правление. Перед уходом он наклонился к Лунёву, предложил перенести разговор туда — «за нормальным столом удобнее». Тот ответил, что сначала пройдёт весь второй ряд.

— Ну пройдите. Я до вечера на месте.

Обед стоял на столе, занимая всю полезную площадь, включая ту, которую Ольга обычно отвоёвывала для собственных локтей. Дачная посуда была собрана из нескольких прежних жизней: чашки с золотым ободком пережили сервиз, глубокая тарелка — столовую, а алюминиевая миска сохранилась, вероятно, потому, что никто не мог придумать, чем её испортить. Лунёв положил папку на край, и Ольга молча подложила под неё сухое полотенце. Здесь вся-

кий предмет рано или поздно начинал пахнуть маринадом; документы она решила уберечь хотя бы до вечера.

Председатель ушёл через зелёную калитку. Гордеев проводил его взглядом.

— У себя под окнами запирать велит, а сам тут ходит.

— Кто запирать велит? — спросила Нина.

— Паша. Говорит, чужие шастают. Раньше там к реке ходили, теперь река тоже кому-то мешает.

Лунёв поднял голову.

— Это когда он говорил?

— Недели две назад. Цепь принёс. Да толку, у Зои собака под сеткой пролезает. Если собака проходит, человек себе дорогу найдёт.

— Цепь где?

— У Крутикова спросите. Ему велели повесить.

— В сарае цепь, — сказал Крутиков. — Я пока своего забора не знаю, мне ещё общий запирать.

— Правильно, — поддержал Гордеев и тут же занялся огурцами, будто ничего особенного не произошло.

На веранду поднялся Егор с тарелкой. Выбрал два куска мяса, положил рядом помидор и сел на ступеньку. Егор привёз с собой задания по геометрии, но с утра над ними успели поработать уже трое взрослых. Отец объяснил, что в жизни эти углы всё равно никто так не считает; Гордеев сказал, что без углов никуда; мать попросила обоих дать ребёнку решить самостоятельно. В результате самостоятельно он пока сумел только отнести тетрадь подальше от стола. Нина узнала знакомое затишье перед контрольной: у ученика ещё есть надежда, что взрослые увлекутся и забудут, зачем он раскрыл учебник.

Нина могла бы напомнить ему про салфетки или про то, как принято сидеть за общим столом. Она даже набрала воздуха. Потом увидела, как мальчик уткнулся в распечатанные задания, придавив их локтем, и промолчала.

— А вы правда преступника нашли? — спросил он, не поворачиваясь.

Крутиков резко посмотрел на сына.

— Ешь давай.

— Я же просто спросил.

— Нашли, — ответила Нина. — Но не так, как ты, наверное, представляешь.

— Я никак не представляю. Мама говорит, вы всех расспрашивали.

— Расспрашивали.

— Меня тоже тогда спрашивали. А папа сказал, мои показания не считаются, потому что я несовершеннолетний.

— Я такого не говорил.

— Говорил.

Ольга поставила на стол миску салата.

— Валера, ты много чего говоришь. Егор, поешь сначала.

Лунёв оторвал небольшой кусок хлеба, положил на него сыр и съел, продолжая смотреть на фотографию.

— В понедельник, — сказал он негромко.

Нина подумала, что он отвечает кому-то по телефону, но телефон лежал перед ним на столе.

— Что в понедельник?

— Передам исправления. И напишу, чтобы эту версию больше не использовали.

— Вы нашли ошибку?

— Нашёл расхождение. Ошибку я сделал, когда согласился рисовать по чужим данным без нормальной проверки.

Он закрыл папку. Крутиков подался вперёд.

— Значит, я правильно возмущался?

— Вы возмущались не по этому поводу.

Гордеев хмыкнул, но Нине уже не хотелось его поддерживать. Она видела, как Лунёв отодвигает чашку, чтобы не задеть ею бумаги. На дне оставался чай. Он так и не допил.

* * *

После обеда Лида позвонила домой. Тётя Зина уже пришла, обе женщины собирались печь пирог, хотя Лида оставила в холодильнике суп и котлеты.

— Мам, духовку пусть Зинаида включает... Я знаю, что ты умеешь. Я просто говорю.

Она выслушала ответ, отвернулась от веранды.

— Хорошо. Извини. К семи приеду.

Когда Лида убрала телефон, Роза стояла рядом с пустой коробкой из-под рассады.

— Всё нормально?

— Да. Я её обидела.

— Чем?

— Опять учу, как дома жить.

Роза помяла край коробки.

— Я вчера Алине сказала, чтоб Диме шарф купила. Она говорит: «Бабуль, май». А я и сама знаю, что май.

Лида забрала у неё коробку.

— Давай в сарай отнесу.

Они зашли с задней стороны. Между двумя гвоздями висела та самая цепь; рядом пристроились короткий ломик и моток провода. На полке стояли пустые банки, под полкой лежал выцветший надувной круг. На дорожке за сеткой разговаривали Лунёв и Зоя Фёдоровна. Лида не сразу их заметила: дверь сарая закрывала обзор.

— Мне сказали, только согласие, — говорила Зоя. — Что потом разберутся.

— Кто сказал?

— Да все так делают. Мне надо было бумагу отдать.

Лида поставила коробку. Дверная петля пискнула, и Зоя обернулась.

— Вы не знаете, у Ольги пластырь есть?

— У меня есть, — ответила Лида. — Сейчас принесу.

Пока она доставала из сумки пакетики, Лунёв ушёл в сторону насосной. Зоя ждала у сетки, держала больную руку ладонью вверх. Лида не стала спрашивать, что она подписала. Сняла намокший пластырь, завернула его в бумажку и протянула новый.

— Сами сможете?

— Смогу. Я только левой неловко.

— Давайте помогу.

Зоя просунула пальцы между прутьями калитки. Лида придержала её руку.

— Тесно не надо, — попросила Зоя.

— Я знаю.

— Медик?

— Медсестра.

— А я уже испугалась, опять спрашивать будете.

Лида разгладила край пластыря.

— Когда моете, пакет наденьте. И не дёргайте сейчас ворота этой рукой.

Зоя посмотрела на неё, хотела что-то сказать, но передумала. Поблагодарила и ушла домой. На обратном пути Лида увидела, что Нина стоит возле веранды. Она слышала конец разговора.

— Она что-то про бумаги говорила, — сказала Нина.

— Да.

— Надо бы узнать.

— Потом, Нина Аркадьевна. Я ей палец заклеивала.

Нина посмотрела на оставшийся в руке Лиды пакетик.

— Хорошо, — сказала она.

* * *

Лунёв вернулся к машине за зарядкой. Его серая легковушка стояла возле правления. Нина с Розой как раз вышли на дорогу: Ольга попросила купить хлеб, если дойдут до магазина. У дверей правления сидела женщина с короткой стрижкой и заполняла квитанции. Серов стоял рядом складной стол. На ступеньках лежала пачка новых замков.

— Это ещё зачем? — спросила Роза.

— На водяные шкафы, — ответил он. — У нас открывают кто чем. Потом ищи, кто вентиль сорвал.

— И сколько ключ?

— Ключ бесплатно. Распишитесь и берите.

— У меня тут дачи нет.

— А, точно.

Он отвернулся к женщине.

— Вера, я до шести здесь, потом ты закроешь, хорошо? Списки в верхнем ящике.

— Ты сам раздай. У меня рука уже отсохла писать.

— Раздам.

Рядом с магазином стоял белый фургон, который они видели утром. Его водитель разговаривал с двумя дачницами. Увидев Лунёва, он отступил от крыльца.

— Сергей Ильич, буквально минуту.

Лунёв остановился.

— Здравствуйте, Вадим Леонидович.

— Вы посмотрите у Булатовой тоже. Она мне звонила, у неё опять вопросы.

— Я с ней говорил.

— Ну и отлично. Людям надо спокойно объяснить.

Он протянул руку, будто собирался взять Лунёва за локоть. Тот переложил зарядку из одной руки в другую, и жест остался незавершённым.

— Я объясню, что намерил.

— Конечно. Я за это и плачу.

— Сегодня мне платят Крутиков и Гордеев.

Одна из дачниц поспешила в магазин. Вторая осталась у фургона, делая вид, что ищет что-то в сумке. Лунёв ушёл, а мужчина проводил его взглядом и улыбнулся Розе.

— У вас какой участок?

— У меня хлеб.

Она поднялась на крыльцо. Нина пошла за ней. Продавщица уже выкладывала батон на прилавок, хотя они ещё ничего не попросили.

— Это Касаткин, — сказала она тихо. — Участки покупает. Ну, не себе, у них там фирма. Три уже купили, ещё хотят.

— Под что? — спросила Роза.

— Домики какие-то у воды. Нам же не рассказывают. Пакет нужен?

Роза достала сумку.

— У кого купили?

— У тех, кто продал.

Продавщица взглянула на дверь. Касаткин стоял снаружи и, кажется, прекрасно слышал разговор. Нина расплатилась. Уже на дороге Роза оглянулась.

— Батон у них вчерашний.

— Ты про землю хотела спросить.

— Про землю она мне не ответит. А про батон ответила бы.

Роза прибавила шаг. Сзади завёлся фургон, проехал мимо и поднял сухую пыль.

* * *

К пяти часам помидоры были высажены, мангал остыл. Гордеев ушёл к себе. Егор вынес из дома удочку, получил от матери разрешение вернуться до ужина и свернул к реке через зелёную калитку.

Крутиков спустился к машине проверить колесо. По дороге они попали в яму, и с тех пор ему казалось, что правое переднее спускает. Он достал насос, присел, снова встал.

— Ещё полчаса, и поедем, — сказал он Лиде.

Она посмотрела на часы.

— Я пока маме хлеб нарежу в пакет. Ольга, нож где?

Лунёв показался на дорожке за забором. Рейку он уже убрал в чехол, но папку по-прежнему держал в руке.

— Я к насосной схожу, — сказал он Крутикову. — Там старый угол ограждения сохранился. Потом рассчитаемся.

— Мне с вами?

— Не надо. Минут через сорок вернусь.

Он вытащил телефон: пришло сообщение. Прочитал, сунул телефон в карман и прибавил шаг.

Нина сидела на веранде с чашкой воды. За день она успела пожалеть о невымытом окне и перестать жалеть. Во дворе Ольга сматывала шланг. Роза пыталась отмыть руки у крана, который приходилось придерживать локтем, чтобы он не закрывался. Из соседнего дома доносились спортивные новости. Крутиков накачал колесо, убрал насос и пошёл к Гордееву. Нина услышала через сетку:

— Деньги-то приготовь. Вместе нанимали.

— У меня приготовлены.

— И чтобы потом не говорил, что я ему больше дал.

— Валера, иди домой.

Около половины шестого на дорожке появился Серов. Шёл быстро, смотрел под ноги. Правую руку держал в кармане куртки.

— Павел Геннадьевич! — окликнула его Ольга. — Вода слабая.

Он остановился за калиткой.

— Все поливают. К вечеру будет лучше.

— Так вечер уже.

— Я посмотрю.

— А Сергей Ильич там?

Серов оглянулся на насосную.

— Был.

И пошёл дальше, к правлению. Нина допила воду и унесла чашку на кухню. Помыла заодно ножи, собрала со стола хлебные крошки. Когда вернулась, Ольга всё ещё возилась со шлангом. Мальчик вошёл через заднюю калитку без удочки.

— Мам, — сказал он.

Ольга обернулась.

— Ты что потерял?

Егор смотрел на отца, который только что вернулся от Гордеева.

— Там человек. В сарае.

Крутиков шагнул к нему.

— Какой человек?

— Который мерил. Он на полу.

Лида положила нож на доску.

— Покажи, где.

— Лидочка... — начала Нина.

Но та уже прошла через калитку. Егор пошёл впереди, быстро, почти бегом. Крутиков двинулся следом. Нина достала телефон и увидела, что пальцы мокрые. Вытерла их о брюки. Роза взяла Ольгу за локоть.

— Стой пока здесь.

— У меня там сын.

Роза отпустила её и пошла рядом. У сарая стояло ведро с дождевой водой. Дверь была приоткрыта. Егор остановился в нескольких шагах от неё, и Крутиков обнял его за плечи и неловко прижал к себе.

Лида вошла одна. Нина, подойдя, увидела Лунёва на бетонном полу и опустила глаза, не успев рассмотреть его лицо. Очки на шнурке съехали под подбородок. Папки рядом не было.

— Звоните в сто двенадцать, — сказала Лида изнутри. — Скажите: человек без сознания, травма головы. «Родник», насосная у второго ряда.

Она ответила ещё на два вопроса диспетчера через Нину, затем попросила Крутикова встретить машину у ворот. Действовала быстро, не повышая голоса. Нина передавала адрес, объясняла, где поворот, и всё время смотрела на маленькое мокрое пятно на собственных брюках.

Крутиков не сразу отпустил сына. Ольга подошла, взяла Егора за руку. Только тогда он побежал к дороге. На пороге появилась Зоя Фёдоровна. Увидела Лиду на коленях и отступила, задев плечом дверной косяк.

— Господи. Я же ничего не слышала.

Роза посмотрела на неё.

Нина закончила разговор с диспетчером. Хотела позвонить Косте, но сначала проверила, не сбросила ли вызов слишком рано. На экране было время: семнадцать сорок восемь. Из сарая вышла Лида. Села на край низкого бетонного бортика и подняла лицо к Нине.

— Машину направили?

— Да.

— Хорошо.

Она потёрла запястье и посмотрела на свои руки. Роза присела рядом.

— Я позвоню твоей маме, — сказала она. — Скажу, что мы задержимся.

Глава 3. До приезда

Егор стоял у сетки и держал мать за рукав. Когда Ольга потянула его к дому, он упёрся.

— Я не заходил. Только заглянул.

— Я поняла. Пойдём.

— А она зашла. — Он показал на Лиду. — Вы же видели, я не заходил?

Лида кивнула.

— Видела. Ты меня привёл и остался с папой.

— Я про сначала.

Ольга перестала тянуть его. Взяла за плечи, повернула к себе.

— Егор, никто тебя ни в чём не обвиняет.

Он посмотрел мимо неё, на открытую дверь сарая. Нина хотела спросить, зачем он туда пошёл. Утром Крутиков говорил про удочку, а удочки у мальчика не было. Вопрос уже был готов, и вслед за ним второй: видел ли он кого-нибудь на дорожке? Она спрятала телефон в карман.

— Оля, у вас вода в доме есть?

— В кувшине.

— Дай ему попить. Мы здесь побудем.

Ольга обняла сына за плечи, и на этот раз он пошёл. У калитки оглянулся.

— Я потом всё скажу.

— Конечно, — ответила Нина.

С задних участков стали выходить люди. Мужчина в резиновых сапогах остановился возле Зои Фёдоровны, спросил, что случилось. Та ответила так тихо, что Нина не разобрала. Мужчина снял кепку, потом снова надел.

На дорожке собирались соседи, ещё несколько минут назад занятые собственными грядками. У одной женщины на плече осталось кухонное полотенце, другой мужчина пришёл в единственной перчатке и всё мял голой рукой её пустой парный палец. Они ещё не знали, где теперь можно стоять и что спрашивать. Нина заметила, как Роза переместилась поперёк тропинки: без распоряжений, просто оказалась между людьми и сараем. В обычный день её бы попросили подвинуться. Сейчас обходить её никто не стал. Роза разговаривала по телефону. Она отошла на несколько шагов, но Лида всё равно слышала:

— Нет, с Лидой всё хорошо. Человеку плохо стало. Она помогает... Зинаида ещё у вас?.. Вот и хорошо. Мы задержимся.

Лида потянулась за телефоном в свою сумку, расстегнула не тот карман, закрыла его. Села обратно на бортик.

— Пусть Зинаида дожждётся, — сказала она Розе.

Роза повторила в трубку, выслушала ответ и убрала телефон.

— Дождётся. Они ещё пирог не вынули.

У Лиды к колену прилипла полоска сухой травы. Нина наклонилась снять, но Лида сама стряхнула её.

— Тебе воды принести?

— Я сейчас посижу.

Со стороны ворот послышался автомобильный сигнал. Мужчина в сапогах поднял голову и пошёл навстречу машине. Из-за насосной вышел Гордеев. Он нёс ту самую удочку, с которой Егор собирался к канаве.

— Вот, на мостках бросил. Я думал, ушёл обедать.

— Анатолий Егорович, поставьте пока, — сказала Нина.

Он заглянул через её плечо и замолчал. Прислонил удочку к сетке так осторожно, что поплавок даже не стукнул о проволоку. Фельдшер прошёл к сараю с сумкой. Лида встала и пошла за ним. Второй сотрудник остался у двери, попросил отойти. Нина отступила к Розе.

Зоя Фёдоровна спросила:

— Его повезут?

Никто не ответил. Гордеев расстегнул воротник клетчатой рубашки. Над участками продолжала играть музыка. Кто-то за два ряда отсюда включил радио на подоконнике, и бодрый голос рассказывал о скидках на садовый инструмент. Нина смотрела на сарай и не могла отделаться от нелепого желания, чтобы рекламу выключили. Потом музыка оборвалась сама; донёсся стук рамы. На несколько секунд стало слышно, как у насосной тонкой струйкой переливается вода, которую утром обещали наконец отрегулировать.

Нина достала телефон и нашла Костю. Тот не ответил сразу. Пока шёл вызов, из задней калитки вышел Крутиков; он успел проводить машину и вернуться к семье.

— Дёмин, — сказал Костя.

— Это Нина Аркадьевна.

— Здравствуйте. Что случилось?

Она объяснила, где они находятся и кого нашли. Костя переспросил адрес, потом фамилию инженера.

— Помощь уже приехала?

— Да. Сейчас там.

— Полиция тоже будет. Вы сами его обнаружили?

— Сын Крутикова. Я видела его раньше. Инженера, я имею в виду. И у меня есть запись нашего разговора утром, про схему участков. Мы при всех записывали.

— Сохраните как есть. Не обрезайте. Сотрудникам скажите, что у вас запись и вы с ним сегодня разговаривали. Они решат, как её получить.

— Ты приедешь?

— Сейчас не могу. Да и участок другой. Вам помощь нужна, чтобы уехать?

Нина посмотрела на Крутикова.

— Наверное, нас пока не отпустят.

— Тогда сначала оставьте свои данные. Если что-то вспомните позже, не ждите, что я всё передам по памяти. Возьмите телефон сотрудника, который будет с вами разговаривать.

— Хорошо.

— Нина Аркадьевна, мальчик с родителями?

— Да.

— Вот и пусть с ними побудет.

Костя не спросил, начала ли она уже расспрашивать Егора. Нина поблагодарила его и закончила вызов. Крутиков подошёл к двери, но второй сотрудник скорой остановил его ладонью.

— Подождите здесь, пожалуйста.

— Я просто... Это я его вызвал. Замерить.

— Понимаю. Подождите.

Крутиков отошёл. Вынул из кармана мятый чек, посмотрел на него и сунул обратно. Машина полиции приехала со стороны правления. Один из сотрудников спросил, кто звонил. Нина подняла руку и только после этого сказала:

— Я.

Он записал её имя, номер телефона, попросил вкратце рассказать, что произошло. Пока она говорила, второй освобождал проход. Мужчина в сапогах пытался объяснить, что у него здесь самый короткий путь домой.

— В обход, пожалуйста.

— Да мне только до той калитки.

— Пока нельзя.

Гордеев молча взял удочку Егора и потянул мужчину за локоть.

— Пойдём. Покажу через меня.

Лида вышла из сарая вслед за фельдшером. Она не смотрела на подруг. Спросила у сотрудника, где можно вымыть руки, и Роза сразу пошла с ней к Ольге. Зоя Фёдоровна отступила от дорожки. Нина увидела, как она ухватилась за сетку, разжала пальцы и спрятала больную руку под другую ладонь.

— Ему уже не помочь? — спросила Зоя.

Фельдшер остановился.

— Он умер.

Зоя опустила голову. Крутиков сказал: «Господи», — очень тихо, почти не разжимая губ. Сотрудник попросил всех, кто сегодня общался с Лунёвым, остаться поблизости. Объяснил, что приедут ещё люди и каждому нужно будет рассказать отдельно. Нина спросила, можно ли ждать на веранде. Он разрешил, записав номер участка.

Серов появился, когда они собирались уходить. На нём была тёмная кофта с короткой молнией у ворота. Выцветшей куртки Нина не увидела; в руке он нёс связку ключей.

— Павел Геннадьевич Серов, председатель, — представился он. — Мне позвонили. Что нужно открыть?

Сотрудник назвал себя и попросил Серова остаться.

— Конечно. Я сам собирался. Мы с Сергеем Ильичом меньше часа назад здесь разговаривали.

Нина остановилась у калитки. Серов заметил её, кивнул.

— Ольга меня видела, когда я уходил. Насчёт воды спрашивала. Я сейчас покажу, где общий щит. Если потребуется свет, в сарае отдельный автомат.

— Свет потом. Вы говорите, встречались с погибшим?

— Да. У него вопросы были к материалам. Я обещал старую схему поискать.

— Во сколько?

— После пяти. По сообщению могу посмотреть.

Серов полез в карман кофты, не нашёл телефон, проверил карман брюк.

— В куртке оставил. Я переодевался.

— Куртка где?

— У меня в правлении. Под насосом лазил, весь перепачкался. Домой потом в таком не поедешь.

Нина потянула Крутикова за рукав. Он стоял и слушал с открытым ртом.

— Пойдёмте к Ольге.

— Он же его видел.

— Сейчас расскажет.

Крутиков пошёл за ней, оглядываясь.

* * *

На веранде стояла тарелка нарезанных огурцов, прикрытая другой тарелкой. Ольга сняла верхнюю, снова накрыла. Егор сидел на лавке у стены. Возле него лежало мокрое полотенце.

— Отец, — сказал он, когда вошёл Крутиков. — Удочка там осталась.

— Толя забрал. Всё нормально.

— Я за крючками пошёл. Он сказал, в жестянке на полке.

— Кто?

— Дядя Толя. Ты сам сказал у него спросить.

Крутиков сел рядом с сыном. Лавка скрипнула.

— Я помню.

— Она ещё там была. Когда я шёл.

Нина подняла глаза.

— Кто был? — спросил Крутиков.

Егор потёр нос полотенцем, поморщился.

— Не знаю. Я сбоку видел. Я сначала подумал, она поливает.

— Зоя? — спросила Ольга.

Нина увидела, как Егор задержал на ней взгляд.

— Может. Я потом уже... Там ведро стояло.

— Не угадывай, — сказал Крутиков. — Не помнишь — значит, не помнишь.

Он сказал это сердито, и Егор сразу замолчал. Ольга налила воду в стакан. Поставила перед сыном.

— Мы сейчас все устали. Когда тебя будут спрашивать, расскажешь как было. И про крючки, и про кого видел.

— Я не знаю, кого.

— Так и скажешь.

Нина села на другой конец лавки. Ей хотелось, чтобы Крутиков убрал руку с плеча сына: он опять сжимал его слишком сильно. Но Егор не отстранялся. Лида вернулась с кухни, вытирая руки бумажными салфетками. Роза несла её сумку.

— Нам бы домой, — сказала Лида.

Ольга посмотрела на часы.

— Машину дадим. Валера, ты останешься, я их отвезу.

— Подожди. С нами ещё не поговорили.

— Я понимаю. После.

Снаружи кто-то позвал председателя. Крутиков дёрнулся было к двери, но остался сидеть. Нина открыла в телефоне список записей. Утренняя называлась «Новая запись 17». Двенадцать минут сорок секунд. Она переименовала её: «Лунёв. Утро. Родник». Потом долго смотрела на кнопку воспроизведения и не нажимала.

Ольга убрала огурцы в холодильник. В сарае у насосной зажёгся свет. Ждать пришлось на веранде. Ольга закрыла дверь в дом, чтобы не летели комары, и села возле сына. Егор разглядывал мокрое полотенце на коленях. Крутиков дважды вставал, проходил до ступенек и возвращался. На третий раз жена попросила его перестать: доска под ногой скрипела, и мальчик каждый раз вздрагивал.

Валерий сел, обхватил ладонями пустую чашку. Она осталась после Лунёва. Ольга заметила это и тихо передвинула чашку в сторону, а мужу дала другую, с водой. Он не спросил зачем. Нина смотрела на край стола, где от горячего чайника много лет назад побелел лак. Утром это пятно никто не замечал. Теперь все вещи стали слишком отчётливыми: скол на блюде, торчащая нитка на скатерти, маленькая ложка, которую никак не убирали.

Егор спросил, можно ли позвонить другу. Ольга кивнула. Он достал телефон, набрал сообщение, стёр. Потом убрал аппарат и сказал, что батарея садится. Крутиков немедленно полез за своим зарядным устройством, хотя сын не просил. Шнур оказался слишком коротким: розетка была в доме, за дверью. Валерий протянул провод к лавке, потом отступил, чтобы не выдернуть вилку. Егор наблюдал за ним и не предлагал отнести телефон в дом. Отец вынул зарядку и намотал шнур на ладонь.

— Потом зарядим, — сказала Ольга. — Садись.

На дорожке кто-то спросил, где сорок седьмой участок. Крутиков поднялся снова. Пришёл не сотрудник, а сосед, который оставлял у них дрель. Он услышал о происшествии, хотел спросить, правда ли, но начал всё-таки с дрели. Ольга принесла инструмент. Мужчина принял его обеими руками и замолчал: теперь причина визита исчезла, а настоящий вопрос стал слишком грубым.

— Завтра поговорим, — сказала она.

Он кивнул, пожелал спокойной ночи и тут же смутился от пожелания. Поправил ремешок на чехле, вышел за калитку. Никто над ним не засмеялся. Роза только взяла со стола оставленную ложку и отнесла в кухню.

Лида сидела ближе к двери. Она чувствовала на коленях тяжесть сумки, хотя та стояла рядом на полу. Хотелось домой, переодеться, услышать раздражённый голос матери про поздний ужин. Одновременно страшно было остаться в собственной тишине. На работе за тяжёлой минутой всегда следовала следующая задача: приготовить, записать, проводить. Здесь задача закончилась, а день не кончился.

Ольга принесла ей чистое полотенце. Лида поблагодарила и положила на руки. Роза собиралась сказать, что она всё сделала правильно. Посмотрела на подругу и вместо этого спросила, не холодно ли. Лида покачала головой, но полотенце оставила.

Сотрудник пришёл к ним уже в сумерках. Представился, уточнил, кто обнаружил Сергея Ильича, кто вызывал помощь. Крутиков заговорил первым, затем остановился и дал Егору ответить самому. Мальчик говорил неровно, всё время возвращался к одному: он не заходил дальше двери. Сотрудник выслушал, не торопя. Ольга сидела рядом и держала руки на коленях, чтобы не поправлять сыну волосы на лбу.

Когда разговор перешёл к взрослым, Егор отодвинул чашку. Нина заметила на дне воды маленький круг от сахара: Ольга налила в ту, из которой пили чай. Обычно она бы сполоснула сначала. Нина взяла чашку, отнесла к раковине и вымыла вместе с остальными. Вода из крана была холодной. Роза встала рядом вытирать. Несколько минут они делали понятную работу, не объясняя друг другу, зачем.

Глава 4. Кто что видел

Тётя Зина открыла Лиде раньше, чем та достала ключи.

— Ну слава богу. Разувайся, я пошла.

На ней уже было пальто. Один сапог застёгнут, из другого торчал язычок.

— Спасибо вам. Я не думала, что так поздно.

— Чего теперь думать. Поесть у вас есть. И пирог там, только снизу немножко... Сама увидишь.

Из комнаты донёсся голос матери:

— Ничего не немножко. Нормальный пирог.

Зинаида нагнулась к сапогу.

— Нормальный, нормальный. Лидочка, не провожай.

Лида придержала дверь и подождала, пока та дойдёт до лифта. На площадке напротив кто-то громко смотрел телевизор; диктор обещал потепление. Лифт пришёл, Зинаида вошла и подняла руку, не оборачиваясь. В комнате горела настольная лампа. Мать сидела в кресле с открытой книгой на коленях. Очки лежали рядом на столике.

— Мам.

— Поешь сначала.

— Я не хочу.

— Тогда переоденься. Ты в этих брюках там была?

Лида посмотрела на колени. Серый след от бетонного пола остался даже после того, как она тёрла его влажным полотенцем у Ольги.

— Сейчас.

Она сняла брюки, положила отдельно. Умылась. Под водой снова заметила старую рабочую царапину на пальце. На секунду перестала слышать шум крана, потом закрыла его и взяла полотенце. Мать всё ещё держала книгу раскрытой на той же странице.

— Роза сказала, человеку плохо.

— Он умер.

— Там, при вас?

— Его уже нашли... Мама, давай не сейчас.

— Хорошо.

Лида села на табурет возле кресла. Мать положила ладонь на переплёт.

— Ты могла мне сама позвонить.

— Я помогала.

— Я не про самое начало. Потом-то могла.

Лида закрыла глаза.

— Мы ждали. Потом приехали, спрашивали. Я телефон в сумке оставила.

— А у Розы телефон был.

— Мам, я же не специально.

— Я знаю. Просто я тут сижу и не понимаю, что у тебя. Роза говорит: всё хорошо. А у неё и когда нехорошо, всё хорошо. Ещё спросить ничего нельзя, она уже трубку положила.

Лида подвинула табурет ближе.

— Я должна была позвонить. Прости.

Мать убрала книгу на столик.

— Я тебя не ругаю.

— Знаю.

Они посидели молча. Потом мать спросила:

— Тебе завтра к восьми?

— К девяти. Завтра воскресенье.

— Опять дежурство?

— До часу.

— Тогда пирог заверни с собой. Верх нормальный.

Лида неожиданно засмеялась. Смех вышел короткий, с кашлем. Мать потянулась за стаканом воды, но Лида остановила её руку.

— Я сама. Тебе налить?

— Немножко.

На кухне она отрезала два куска. Корка снизу действительно обуглилась. Лида соскоблила её ножом над раковиной, положила один кусок матери на блюдо, другой оставила себе. Телефон лежал на столе. В общем разговоре с подругами было сообщение Розы: «Вы дома?» Лида написала: «Да. Завтра после двух смогу поговорить». Подумала и добавила: «Сегодня не звоните, пожалуйста».

* * *

Нина долго ходила по квартире, не включая верхнего света. В прихожей сняла туфли и обнаружила на подошвах сухую глину. Принесла газету, поставила туфли на неё, но вычистить сразу не смогла: под ногтями ещё оставалась земля с грядки, и мысль о щётке показалась невыносимо мелкой. На кухне стоял стул на стуле. Она разобрала это сооружение, освободила место у стола и лишь после этого заметила, что так и ходит в пальто.

За окном у соседей напротив горел телевизор. На экране менялись яркие лица; звука не было слышно, только свет то синел, то желтел. Нина когда-то знала женщину, жившую в той квартире, потом квартира перешла детям, и теперь там появлялись разные люди. Она могла определить, дома ли они, но не знала имён. Это вдруг показалось странным: в доме, где ей приносили любые бумаги на проверку, оставалось столько совершенно незнакомых окон.

Позвонили в дверь. Нина вздрогнула, посмотрела на часы. На площадке стояла соседка сверху с маленькой отвёрткой. У неё в кухонном шкафу провалился винт, и она хотела спросить, нет ли магнетика на палочке. Нина не сразу поняла просьбу. Соседка стала объяснять длиннее, показывая глубину шкафа свободной рукой.

— Я не знаю, — сказала Нина. — У меня такого нет.

— У вашего мужа было. Я брала когда-то.

Нина посмотрела на отвёртку. Прошло шесть лет, а некоторые вещи всё ещё разыскивали по прежнему владельцу. Она могла бы отправить соседку домой. Вместо этого принесла из кладовки старую коробку с инструментами и поставила на табурет у двери. Соседка присела, перебрала два ключа, катушку изолянта и пластиковый футляр.

Магнетик нашёлся. Палочка выдвигалась, как антенна, и была погнута у основания. Соседка обрадовалась, пообещала вернуть утром, затем впервые внимательно посмотрела на Нину.

— Вы плохо себя чувствуете?

— Устала.

— Я тогда завтра занесу. Не буду сегодня звонить.

Она ушла, держа найденную вещь перед собой, будто уже боялась потерять. Нина закрыла дверь. Коробку сразу убирать не стала. На самом дне лежал карандаш, заточенный ножом, с грубо снятыми краями. Муж не любил точилки, говорил, что они съедают лишнее. Нина взяла карандаш и принесла на кухню. Писать им было неудобно, но выбросить сейчас она тоже не могла.

Телефон показал сообщение от Андрея, отправленное ещё днём: спрашивал, домыла ли окно. Нина напечатала, что ездила на дачу, вернулась поздно. Хотела дописать про случившееся, потом представила, как он позвонит немедленно, начнёт спрашивать, почему она оказалась там и кто был рядом. Рассказывать всё по телефону сейчас не хотелось. Она добавила: «Со

мною всё хорошо. Завтра поговорим». Перечитала и отправила, прежде чем успела дописать ещё что-нибудь успокоительное.

Он ответил почти сразу: «Отдыхай». Нина положила аппарат на стол. Карандаш оставила рядом с ручкой. У него был сломан кончик, писать он всё равно пока не мог.

Нина достала из ящика тетрадь. В начале были записаны расходы на замену смесителя, размеры оконной сетки и номер мастера, который уже два года обещал посмотреть балконную дверь. Она перелистнула до чистой страницы.

Тетрадь была с изображением школьного глобуса. Нина купила её по привычке: хорошая клетка, плотная бумага, сорок восемь листов, не размазня. В магазине нашлись и красивые записные книжки с надписью «Планы на счастливую жизнь», но под такой обложкой рука не поднялась бы написать «прокладка, тридцать пять рублей». Глобус ни к чему не обязывал. Теперь между дверью, которую всё не чинили, и смертью человека лежало всего два чистых разворота, и от этого соседства Нине стало не по себе.

Первой записью стало: «17:48 — звонок». Следующей: «17:30 — Серов идёт от насосной». Нина посмотрела на вторую строку, взяла ручку другого цвета и дописала: «Примерно».

Ни на какие часы она тогда не смотрела. Перед этим Крутиков накачивал колесо, после она мыла ножи. Пока они сидели на веранде и ждали, Ольга сказала «около половины шестого», и Нина охотно согласилась. Теперь это время стояло у неё в памяти так уверенно, будто она сама сверилась с циферблатом. Она положила ручку и включила утреннюю запись. Из телефона послышался голос Гордеева:

— Я сам.

Потом Крутиков:

— Ты к себе наклоняешь.

И её собственное, резкое:

— Валерий.

Нина остановила запись. Убавила звук, включила снова. Первые минуты почти ничего не было слышно. Они переходили с места на место, и Нина держала телефон то ближе к себе, то возле самой сетки. Потом заговорил Лунёв, но ветер заглушил часть фразы. Нина помнила разговор о разных документах и лишь сейчас сообразила, что запись включила уже после него. Этого объяснения в файле не было.

Она дослушала до конца. Открыла в тетради новую страницу и записала лишь то, что смогла разобрать. Напротив спорного места поставила вопросительный знак. В дверь позвонили. Роза вошла с пакетом и двумя банками.

— Это Ольга в машину сунула. Огурцы солёные. Одну тебе, одну Лиде, но к ней я уже не пошла.

— Она попросила не звонить.

— Видела. Поставь пока к себе.

Роза сняла туфли, поморщилась и пошевелила пальцами ног.

— Натёрла. Утром нормальные были.

На кухне она сама нашла чистую чашку, налила воды из фильтра. Нина закрыла тетрадь, потом снова открыла.

— Ты помнишь, когда Серов мимо нас прошёл?

— Часов в пять. Или полшестого. А что Ольга сказала?

— Примерно полшестого.

— Значит, полшестого.

— Вот я тоже так записала. Только откуда мы знаем?

Роза поставила чашку.

— Так и напиши, что Ольга сказала. Я его вообще не видела. Руки мыла.

Нина зачеркнула «нас» в строке, которую начала писать, и оставила «меня и Ольги».

- А про папку ты заметила?
- В сарае? Нет. Я туда не заходила.
- У него весь день в руке была. С отломанным уголком.
- Может, под ним лежала.
- Я не увидела.
- Нин, ты там сколько стояла? Они посмотрят.

Нина подвинула тетрадь подальше от себя. Утром она просила Крутикова не судить по одному листу. Прошло меньше суток, а ей уже хотелось объявить пропавшим то, что она не смогла разглядеть с порога. Роза наклонилась к её записям.

— Это что, на меня тоже страница будет?

— Если вспомнишь что-нибудь.

— Я помню, что обещали к семи вернуться. И помидоры помню, как мы их везли. А важное всё мимо.

Она помассировала пятку через чулок и потянулась за телефоном.

— Алина звонит. Ты пока не включай.

Нина не собиралась. Она откинулась на спинку стула и слушала, как Роза объясняет внучке, почему не отвечала вечером. Про инженера сказала коротко. Алина задала вопрос, и Роза ответила:

— Нет, с нами ничего. Лида устала. Мы домой приехали... Завтра давай. Я тоже уже не могу.

Закончив разговор, она не убрала телефон, а положила экраном вниз.

— Они с Димой завтра колёса ему какие-то смотреть собрались. Звала меня с собой.

— А ты?

— Что я в колёсах понимаю. Но звала же.

Нина кивнула. На этот раз в дверь постучали. Крутиков вошёл в расстёгнутой куртке, хотя на лестнице было тепло.

— Вы читали?

Он протянул Нине телефон. На экране была переписка с зелёным листочком вместо картинки группы. «Родник. Общие вопросы».

«Утром с ним хозяин 47-го ругался. Угрожал при свидетелях. Почему об этом молчат?»

Ниже кто-то ответил: «Там тот ещё деятель. У него всегда все виноваты». Нина вернула телефон.

— Кто пишет?

— Татьяна с девятнадцатого. Она вообще на другом конце. Ничего слышать не могла.

— А что вы говорили Лунёву?

— Да про деньги. Я же вам рассказывал. За предыдущий приезд взял, толком не объяснил. Сегодня опять платить.

Роза отодвинула ему стул.

— Сядь. Чего ты стоишь?

Он сел, но телефон не убрал.

— Написать ей, чтобы пасть закрыла?

— Нет, — сказала Нина. — Что вы ему сказали?

— Что работу делать надо.

— Дословно.

Крутиков потёр щёку.

— Ну... Сказал, что, если опять начнёт юлить, я ему этот план... Сверну и засуну.

Роза подняла глаза.

— Понятно куда?

— Я не уточнял.

— Уже хорошо.

Нина посмотрела на Розу, и та отвела взгляд.

— Когда это было, Валерий?

— По телефону. Утром. До вас ещё. Ольга стояла рядом, я у машины был. Она слышала.

— Сотрудникам вы об этом сказали?

— Меня спросили, спорили ли мы. Я сказал, спорили.

— А про эту фразу?

— Не вспомнил.

Крутиков провёл большим пальцем по краю чехла. В телефонном разговоре он вполне мог не придать своим словам значения. Но сейчас сидел перед ними, не пытаясь убедить даже себя. Нина достала визитку, которую ей оставили перед отъездом. Положила на стол.

— Позвоните и уточните. Или завтра сами расскажите, если сейчас не ответят. Мы за вас этого сделать не можем.

— Там уже меня убийцей называют.

— Тем более не надо, чтобы о ваших словах узнали только от соседей.

Он взял визитку. Нина подтянула к себе телефон.

— И запись разговора у вас есть. Утреннего, который мы записывали. После вашего звонка вы с ним почти час нормально общались. Это тоже было.

Крутиков помолчал.

— Егор говорит, что в тот сарай больше не пойдёт. Вообще на дачу не хочет.

— Пусть пока побудет дома, — сказала Роза.

— Я ему то же самое сказал. А он думает, что я на него злюсь.

— А вы злитесь? — спросила Нина.

— Да на себя я злюсь. Я ему велел у Толи крючки взять. Сидел бы в телефоне, ничего бы не было.

Нина не сразу ответила.

— С Лунёвым всё равно случилось бы то же самое. Егор позвал взрослых. Он всё правильно сделал.

Крутиков кивнул, глядя в телефон.

— Вы ему это скажите, — добавила она.

Он ушёл с визиткой, забыв прикрыть дверь. Роза встала и закрыла за ним.

— Завтра Ольга поедет вещи забирать. Я с ней. Лида там кофту оставила. На кухне, на стуле.

— Ей привезёшь?

— Привезу.

Нина хотела предложить поехать втроём, но вспомнила сообщение Лиды. Кроме того, завтра утром ей обещали позвонить по поводу записи. Она записала время и фамилию сотрудника на первом листе тетради, чтобы не искать. Роза подняла пакет с оставшейся банкой.

— Эта пусть у тебя стоит. А то потом искать начнём, у кого чьи огурцы.

Когда она ушла, Нина вернулась к строчке про Серова. В скобках написала: «Сама часов не видела». Захлопнула тетрадь и поставила будильник.

Глава 5. Хозяин и покупатель

В воскресенье Роза вышла из дома раньше, чем договори́лась с Ольгой. На рынке требовалось принять утреннюю поставку. Она собиралась только открыть павильон, пересчитать ящики и оставить товар сменщице, но у павильона уже ждала женщина с кастрюлей. Покупать она ничего не хотела. Ей нужно было узнать, можно ли в этой кастрюле хранить домашний сыр, если крышка неплотная.

Роза посмотрела на крышку, потом на женщину. В обычное утро она бы выяснила, что за сыр, сколько его и почему кастрюлю выбрали такую большую. Сегодня сказала, что лучше подобрать подходящую посуду. Женщина огорчилась: подходящую она и сама могла подобрать, тогда не требовалось бы идти через весь рынок.

За поворотом загремел фургон поставщика. Водитель остановился не там, где обычно, и Розе пришлось протискиваться между машинами. Он объяснил, что возле её входа лужа. Лужа была небольшая, зато из нового места ящики предстояло нести вдвое дальше. Водитель уже приготовился спорить, но Роза взяла первый ящик молча. Он посмотрел на неё, удивился и понёс второй сам.

В павильоне пахло холодным металлом и моющим средством. Роза включила свет, проверила холодильник, разложила накладные. Привычные движения шли без задержки, а цифры не удерживались в голове. Она три раза пересчитала упаковки творога, пока водитель не спросил, чего не хватает.

— Счёта, — ответила она. — Помолчи минуту.

Он замолчал. Роза пересчитала ещё раз и обнаружила, что всё сходится. Водитель предложил расписаться. Она сначала вытерла руки, хотя они были сухими. На столе лежала ручка с эмблемой чужого банка; колпачок давно заменили другим, неподходящим, и держался он только до первого прикосновения.

Водитель спросил, правда ли вчера на дачах кого-то убили. Роза подняла голову. Он сразу объяснил, откуда знает: развозил товар, услышал у магазина. Называл уже фамилию Крутикова, хотя про инженера ничего не помнил.

— Сергей Ильич Лунёв умер, — сказала Роза. — Обстоятельства выясняют. При мне Валера никого не бил.

— Я ж не говорю, что он.

— Тогда и не надо.

Он забрал накладную и ушёл. Роза ещё некоторое время стояла у стола. Хотела окликнуть водителя и потребовать, чтобы больше не разносил по рынку чужую болтовню. Он уже захлопнул дверь фургона. Она сунула накладную в папку и увидела на обороте своей записки фамилию Касаткина. Вчера сама сказала Нине: этот землю скупает, ему проход мешает. Тоже ведь объяснила, куда смотреть, хотя знала немногим больше водителя.

Пришла сменщица, застегнула халат, поставила в шкаф сумку. Спросила, почему Роза не села. Та ответила, что уже уходит, и осталась ещё на десять минут объяснять, кому что отложено. Сменщица всё знала. Выслушала, не перебивая, затем принесла ей стул и сказала:

— Посиди, пока машина придёт. Ты мне под ногами мешаешь.

Грубоватая забота оказалась как раз по размеру. Роза села у задней двери и позвонила Ольге. Та задерживалась минут на пятнадцать: Егор только уснул, не хотела будить, пока собиралась. Роза сказала, что подождёт.

За дверью раскладывали товар соседи. Из последнего ряда донёсся знакомый голос Аркадия Семёновича: он спорил с покупателем, который принёс гайку и хотел такую же, только «чтобы подходила». Аркадий просил болт. Покупатель считал это лишним усложнением. Роза

невольно улыбнулась. В этом споре она могла предсказать каждую реплику, и оттого он успокаивал лучше тишины.

Сам Аркадий появился через несколько минут с горстью мелочи. Попросил разменять. На нём была рабочая жилетка, один карман зашит ниткой другого цвета. Он положил монеты ровными столбиками, подождал, пока Роза откроет кассу, и спросил, почему глаза красные. Она ответила, что плохо спала. Он не стал выяснять дальше. Показал на стул: правильно, посиди, работа не обидится.

Роза разменяла деньги. Аркадий ушёл к своему павильону, прихрамывая сильнее обычного. Она хотела спросить про колено, но отвлеклась на звонок Ольги. Когда вышла к машине, рынок уже работал в полный голос. Женщина с кастрюлей нашла другого советчика и теперь показывала ему крышку. Роза не стала вмешиваться: у некоторых задач должен быть собственный круг специалистов.

* * *

Ольга ехала медленнее мужа. Перед мостом она пропустила машину, которая пыталась вклиниться справа, и Роза приготовилась услышать что-нибудь про хамов. Ольга только убила радио.

— Егор спит? — спросила Роза.

— Когда уходила, спал. Ночью два раза вставал.

— Валера с ним?

— Пока. Его к одиннадцати вызвали, поговорить ещё. Потом за Ниной Аркадьевной заедет, они сюда собирались. Я бы вообще всё оставила до следующих выходных. Только мясо на даче в холодильнике, а свет у нас через раз. И вашу кофту надо забрать.

— Лидину.

— Всё равно.

За мостом Ольга включила радио обратно. Началась реклама пластиковых окон. Она выключила совсем.

В машине Ольги нашлось то, чего у Крутикова никогда не было видно: место для локтей. Она убрала с переднего сиденья моток верёвки, перчатки и старую квитанцию, не произнеся ни слова о том, кому всё это принадлежит. Роза оценила сдержанность. Сама она в такой ситуации обязательно назвала бы владельца каждой вещи и припомнила ему, когда именно просила её убрать. Ольга же просто сдвинула хлам назад; видимо, за годы брака научилась беречь силы для более крупных залежей.

У ворот «Родника» кто-то прикрепил поверх списка должников белый лист: «ПРОХОД У НАСОСНОЙ ВРЕМЕННО ЗАКРЫТ». Ниже другим почерком дописали: «СОБАК НЕ ПУСКАТЬ». Ольга остановилась у магазина.

— Зайду за пакетами. Большими, под заморозку.

Роза пошла с ней. Магазин открыли в бывшем вагончике, обшили снаружи светлыми панелями и назвали «Продукты», чтобы не обременять покупателей догадками. Внутри теснились хлеб, батарейки, семена укропа и резиновые тапки двух размеров, оба неходовые. Из-за прилавка здесь можно было узнать больше, чем из объявлений правления, но покупать приходилось что-нибудь настоящее: Марина считала некрасивым, когда за чужими новостями заходят с пустыми руками. Роза этот порядок уважала. У неё на рынке тоже любили спросить про здоровье, цены на сметану и кто вчера плакал у мясного ряда, а потом уйти подумать.

За прилавком была вчерашняя продавщица. Она посмотрела сначала на Ольгу, потом на Розу и убрала телефон под кассу.

— Как мальчик?

— Дома, — ответила Ольга. — Пакеты есть?

— Вон, второй крючок. И про мужа вашего я ничего не говорила, если что. Это всё Татьяна.

Ольга сняла рулон с крючка.

— Я про мужа не спрашивала.

Продавщица поджала губы. Роза взяла с полки маленькую бутылку воды и положила рядом с пакетами.

— Татьяна здесь была?

— Утром. Я ей сказала, что не надо в общий чат такое писать. А она говорит, люди должны знать.

Дверь открылась. Вошёл пожилой мужчина в кепке с выцветшим логотипом автомобильного завода. Поставил на прилавок пустую бутылку из-под молока.

— Марин, я вчера залог оставлял.

— Двадцать рублей.

— Тридцать.

Продавщица достала монеты, пересчитала. Мужчина взял их не сразу.

— Что, всё там ещё стоят?

— Кто? — спросила Ольга.

— Ну, полиция. Мне Павел говорил, сегодня можно подъехать, бумагу мою забрать. А я думаю, не до меня, наверное.

— Какую бумагу?

Мужчина посмотрел на Розу.

— Вы откуда?

— Из города. С Ольгой приехала.

— У меня участок пятьдесят шестой. Продаю. Покупатель просил до пятницы решить, а я теперь думаю: после такого он вообще приедет?

Марина положила на прилавок ещё десять рублей.

— Вот. Правильно, тридцать. Вчера новые бутылки были.

Мужчина сгрёб деньги.

— Мне просто знать надо. У меня аванс за квартиру внесён, в понедельник поеду договариваться, чтоб подождали.

— За сколько дачу отдаёте? — спросила Роза.

— За девятьсот. Дом там, конечно, не дом, но место хорошее. Мне ещё осенью миллион двести давали, я не взял. Теперь вот.

— А почему меньше?

— Павел говорит, по границам надо исправлять. Если всё как есть выставить, покупатель не пойдёт. Этот берёт с вопросами, сам потом сделает.

Ольга подняла голову.

— Вам Серов так сказал?

— А кто же. У него все бумаги. Я-то откуда знаю, что там с этими координатами? Мне колышки в семьдесят девятом забили, с тех пор стоят.

Он убрал монеты в карман и занялся молнией куртки.

— Ладно, съезжу к нему. Может, он ещё не передумал.

Когда мужчина вышел, Роза повернулась к Ольге.

— Тебе тоже предлагали?

— Потом, — сказала та.

Марина протянула сдачу и вдруг спросила:

— А правда, что папку у него украли?

Роза взяла бутылку с прилавка.

— Не знаю. Кто сказал?

— Тут говорят.

— Тут и про Валеру говорят.

Марина посмотрела на Ольгу, но та уже вышла.

На даче они упаковали мясо, вылили воду из кувшина и вымыли доску. Лидина кофта висела на спинке кухонного стула. Роза сложила её в отдельный пакет. Ольга вынесла из холодильника кастрюлю с картошкой.

— Эту домой или курам соседским? Уже и видеть не могу.

— Домой. Разогреешь с луком.

— Я знаю, как картошку разогревать.

Роза выпрямилась.

— Знаешь. Извини.

Ольга поставила кастрюлю обратно на стол.

— Нет, это вы извините. Я со вчерашнего дня... Валере сказала, чтоб сегодня с Егором нормально поговорил. Он отвечает: что я ему скажу? Будто мне кто-то написал, что говорить.

Роза села на край лавки, где вечером сидел Егор. Полотенце уже высохло; на досках под ним осталось тёмное пятно. Ольга взяла чистую тряпку и принялась вытирать стол, хотя на нём ничего не было.

— Миллион четыреста, — сказала она.

Роза не переспросила.

— За наш участок. Если вместе с Гордеевым и ещё двумя. Две недели назад предложили. Валера сказал, даже разговаривать не будет.

— А ты бы поговорила?

— Я уже поговорила. С Касаткиным. Думала, он хотя бы послушает, когда узнает сумму. У нас крыша течёт, веранда на подпорке. Егор сюда из-под палки ездит. Я всю неделю работаю, потом в субботу встаю в шесть, потому что Валера не хочет пробки. Приезжаем — он с Толей ругается, я грядки копаю. Обратно пробки всё равно.

— Дача на Валере?

— На нём. От отца досталась. Но строили эту веранду мы уже вместе. И крышу крыли вместе. Только, как продавать, сразу отцовский дом.

Она бросила тряпку в таз.

— Я не говорю, что надо продать. Я хочу, чтобы он хотя бы со мной обсудил. Мне Серов сказал, у нас наоборот, после уточнения чуть больше выйдет. У того девятьсот, потому что «вопросы». У нас миллион четыреста, потому что хороший участок. Так что я теперь не понимаю, у кого здесь какие вопросы.

Роза вытащила из кармана чек за воду, перевернула чистой стороной и попросила ручку. Ольга принесла со стола у окна.

— Я пока запишу, а то забуду. Пятьдесят шестой — девятьсот. Твой номер сорок семь?

— Да. Только мы ни на что не согласились.

— Я и не пишу, что согласились.

Ольга следила за ручкой.

— И Нине Аркадьевне так и скажите. А то Валера подумает, что я уже за его спиной всё продала.

— Скажу, как ты сказала.

Ольга помолчала и наконец села.

— Может, и правда продать. Я вчера эту калитку закрывала и всё на ту дорожку смотрела. А здесь Егор маленький в ванне купался. Пластмассовой, зелёной. Мы её потом под рассадку проткнули.

Роза посмотрела в сторону теплицы. Никакой ванны там не было, только стопка чёрных горшков. Она не стала спрашивать, куда её дели. У входа скрипнул гравий. Касаткин стоял за передней калиткой, опираясь локтями на перекладину.

— Ольга, добрый день. Можно на минуту?

Ольга не встала.

— Вы к Валерию?

— К вам обоим, но если его нет, можно с вами. Я видел вашу машину.

— Заходите.

Он открыл калитку и тщательно прикрыл за собой. Сегодня на нём была рубашка без куртки, рукава застёгнуты. Роза посмотрела на его ботинки: светлые, чистые. Он обошёл место, где вчера пролили воду.

— Прежде всего, примите сочувствие. Я про вашего сына. Ужасная вещь.

— Спасибо, — сказала Ольга.

Касаткин остановился возле стола, не дождавшись приглашения сесть.

— Я не стану вас задерживать. По нашим предложениям пока всё остаётся в силе. Если вы не готовы сейчас разговаривать, я понимаю. Я только уточню, что пятница — это наш срок ответа инвестору. Здесь никакой связи со вчерашним нет.

— На воротах про пятницу ещё вчера висело, — сказала Роза.

— Да. Именно. Чтобы потом не возникло ощущения, будто мы кого-то торопим из-за трагедии.

— Вы и так торопите.

— Роза Тимуровна, верно?

— Верно. Только я вам не представлялась.

— Ольга вчера называла. У вас нет участка, я помню. — Он чуть повернулся к ней. — Но вы ведь можете понять: предложение нельзя держать открытым бесконечно.

— Понимаю. Почему у одного земля с вопросами, а у другого после уточнения прирастёт?

Касаткин посмотрел на Ольгу. Та сложила руки на столе.

— Мне тоже интересно.

— Я бы хотел увидеть конкретные документы. На словах сравнивать трудно.

— Пятьдесят шестой, — сказала Роза. — Сегодня хозяин спрашивал, не передумали ли вы покупать.

— Евгений Борисович? Не передумали. Там старый дом под снос, подвод электричества требует переделки. Здесь состояние лучше.

— Он сказал, цену снизили из-за границ.

— Я так не формулировал.

— А как?

Касаткин достал телефон, нашёл что-то и протянул Ольге. Она прочитала, передала Розе. В сообщении были номер участка, сумма и фраза: «Окончательные условия после проверки документов».

— Вот мои слова, — сказал он. — Для всех одинаковые в этой части.

— А что Серов говорил?

— Павел Геннадьевич отвечает за сведения по садоводству. Я не могу присутствовать при каждом его разговоре.

Ольга вернула телефон.

— Почему вам обязательно покупать нас вместе с Гордеевым? Купите в другом месте, там люди продают.

— Нам нужна территория под один проект. Выход к дороге, возможность разместить несколько домов. Отдельные шесть соток через три улицы нам не подходят.

— И проход закроете?

— Если он общий, сначала придётся решать вопрос с ним. Я не обещал, что в субботу куплю участок, а в воскресенье перегороджу дорожку.

Роза достала из кармана чек с заметками. Под ним лежала ручка Ольги; она вернула её на стол.

— Вчера Лунёв сказал, что на плане этого прохода уже нет.

— Рабочий лист может содержать ошибки. Для этого и проверяют.

— Он собирался письменно исправить.

— Значит, надо было исправлять.

Касаткин впервые сел. Не полностью, на самый край стула.

— Я понимаю, на кого сейчас удобно смотреть. Приехал человек с деньгами, всё испортил. Только я никого не заставляю. Здесь половина владельцев по три года взносы не платит и продать не может. Я предлагаю деньги. Другие люди годами обещали разобраться с границами, брали за это оплату, а бумаги как расходились, так и расходятся.

— Вы про Лунёва? — спросила Ольга.

— В том числе. Он работал с садоводством до меня. Если хотите понять, кто на ком зарабатывал, попросите все счета. Не только мой буклет.

— У вас буклет есть? — спросила Роза.

Касаткин достал из плоской сумки сложенный лист. На обложке были деревянные домики и дорожка, ведущая к воде. «Лесной берег». Внизу — телефон и мелкая строка с названием фирмы.

— Это предварительная информация для владельцев. Проект ещё не утверждён.

Ольга развернула лист. Внутри размещалась ещё одна картинка: вид сверху, несколько одинаковых крыш, парковка, деревья круглыми зелёными пятнами. Роза наклонилась ближе.

— А мы сейчас где?

Касаткин коснулся листа.

— Примерно здесь.

— А Зоя?

— Чуть дальше. Но это общее представление о проекте, здесь нельзя искать свой забор с точностью до сантиметра.

Роза взяла второй лист, который он вытащил из сумки.

— Это можно оставить?

— Конечно. Там мои контакты.

Он поднялся.

— Ольга, я в понедельник пришлю вам предложение ещё раз. Вы спокойно посмотрите. Если нет — значит, нет.

— Пришлите, — сказала она.

Роза ничего не добавила. Ольга имела право получить бумагу, даже если Валере не хотелось её видеть. Касаткин попрощался и вышел. Из окна было видно, как он набирает номер, стоя у калитки.

— Думаете, он? — спросила Ольга.

Роза сложила буклет.

— Я думаю, что он очень вовремя объяснил, на кого ещё смотреть.

— Это не ответ.

— Другого нет пока.

Они отнесли пакеты в машину. Роза забрала со стола чек, но тот успел намокнуть от тряпки. Цифра девять расплылась. Она достала телефон и переписала обе суммы, добавив: «Сказано владельцами, бумаги не видела».

Глава 6. Машина у окна

Утром Нина вышла из дома на полчаса раньше, чем требовалось. Боялась опоздать, хотя идти было десять минут. Перед входом посидела на скамейке, проверила, взяла ли паспорт. В назначенное время её проводили в кабинет. Следователь представился: Илья Викторович Суханов. Рядом с его фамилией на столе стояла табличка с другим именем, повёрнутая боком; он убрал её в ящик, объяснил, что кабинет временный, и попросил Нину сесть. Когда она положила перед собой тетрадь, он спросил, записи сделаны сразу после событий или позднее. Прежде чем Нина успела ответить, добавил: позднее тоже можно, только нужно знать, что именно она записывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.